

12+

Анатолий Титов

Замок с 10 000 башен

Анатолий Титов

Замок с 10 000 башен

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Титов А. А.

Замок с 10 000 башен / А. А. Титов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В Шотландии, во времена столь давние, что про них уже давно все забыли, правили короли-маги, а люди были дружны с драконами. И среди гор возвышался величественный замок. Люди называли его замок с 10 000 башен. 1000 лет прошло с тех пор, и волшебство забылось, и замок был разрушен, и драконы исчезли, и братья пошли войной друг на друга. И только случайная находка, сделанная старым волшебником в древних руинах, способна изменить ход истории и вернуть людям надежду на возвращение светлых времен.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1

1

В Шотландии, чуть дальше к северу, где вересковые пустоши кончаются, и начинается горный, озерный край, в древности стоял гордый замок. И в замке этом располагался трон легендарного короля Роланда, мага и приручителя драконов, властителя всех северных земель. В те времена в Шотландии жило много драконов, в горных пещерах, в непроходимых северных горных лесах и в глубинах холодных озер. Люди были дружны с драконами, и если жители деревни выходили в лес на промысел или на охоту и сталкивались с драконами, то не пугались, а наоборот угощали драконов принесенным с собою, а если кто заблудился в лесу, драконы помогали тому человеку найти дорогу домой.

В самом королевском замке жил огромный дракон, которого во время своих скитаний, раненого, нашел король Роланд, которого он вылечил и приручил. Выхаживая раненого дракона, Роланд научился понимать драконий язык, и сам научил дракона понимать по-человечески, и когда дракон выздоровел, они стали лучшими друзьями и дальше путешествовали вместе. Они обошли многие земли, в основном те, что лежат на север от великих озер. Там на севере Роланд учился волшебству и прочим лесным наукам. Вернувшись к озерам, Роланд решил построить замок и поселиться в нем со своим лучшим другом – драконом, чтобы править Шотландией.

В замке том, говорят, было десять тысяч башен, десять тысяч разных залов и комнат. Одна комнатка, например, совсем крошечная, в которой взрослый человек не мог стоять, не согнувшись, а от стены до стены можно было достать, вытянув руки в разные стороны, а дверь в эту комнату была такая низкая, что едва доходила взрослому человеку до пояса. И был в замке громадный зал, где могло собраться одновременно до десяти тысяч гостей, и который освещали светом десяти тысяч свечей. И в этом зале был камин, такой большой, что заводили в нем огонь, установив в нем огромный дуб целиком, вместе с корнями и раскидистой кроной, а колонны, поддерживающие далекий свод были выше самых высоких сосен. В праздники в этом зале устанавливали две сотни столов, за которыми одновременно пировали все жители замка и близлежащего к замку города и жители всех окрестных поселений по обеим сторонам огромного озера. Во время праздника король приветствовал гостей, а его друг дракон в это время сидел на балках под самым потолком огромного зала. Когда наступала ночь, а праздник продолжался, король Роланд, устав от шума поднимался на самую высокую башню замка. На башню эту вели 10 000 ступеней, она была такая высокая и тонкая, что качалась на ветру, как одинокая травинка. На вершине этой башни была небольшая площадка, на которой король, кутаясь в плащ от пронизывающего горного ветра, оказывался один среди океана звезд. О чем он думал в такие ночи, кого вспоминал, почему стремился к уединению? Теперь мы вряд ли узнаем.

А в солнечные дни с башни было видно далекое блестящее море. В былые времена от замка к морю вела вымощенная камнем дорога, а на море стоял порт, от которого отплывали корабли, кто за рыбой, кто торговать с соседними странами и островами, а кто просто в путешествие, открывать неведомые земли. Корабли отставали от берега, ветер надувал паруса и корабли набирали скорость, и высоко в небе летели драконы, почти неразличимые, провожая парусники в путь.

– А что было дальше?

– Дальше, Юный Роланд, начались наши времена.

– А меня называли Юный Роланд в честь того самого Роланда, короля-мага?

– Верно, мой юный принц. Раз в сотню лет, когда тоска по старым временам становится особенно невыносимой, когда кажется, что надеяться больше не на что, принца-наследника называют именем Роланд. Люди верят, что когда-нибудь дух того Великого Роланда оживет в одном из принцев и старые времена вернуться, и в Шотландию опять придет благоденствие и волшебство, а люди и драконы снова будут дружны.

– Не про это ли говорится в пророчестве: «Тот, кто должен ждать – дождется, ибо тот, кто должен прийти – придет»

– Где ты это слышал?

– Люди говорят. Слышал от разных людей.

– Люди любят выдумывать всякое. Еще во времена моего детства старики повторяли друг-другу эти слова с самым серьезным видом, и кивали головами при этом. Но я, на самом деле, никогда не понимал, о чем это.

– Ты говоришь, люди и драконы снова будут дружны, но сейчас разве живут драконы, учитель? Я их никогда не видел, я думал это сказки.

– Драконов никто не видел уже 1000 лет. Когда Роланд умер, умер и его верный друг, дракон. Наследники Роланда, короли, еще старались сохранить то царство, что осталось им в наследство, но постепенно перессорились, понастроили крепостей и стали враждовать, оспаривая, кому должна достаться корона. Люди старались использовать драконов в войне против друг-друга, много драконов погибло в тех войнах, а остальные прятали свои гнезда все дальше и дальше в лесах. В конце концов, люди и драконы стали бояться друг друга. Если драконы появлялись возле какой-нибудь деревни, испуганные жители хватали оружие и старались прогнать их подальше от своих посевов и домов. А драконы же, увидев в лесу заблудившегося охотника, прогоняли его своим огненным дыханием, опасаясь, что он разорит их гнездо и уничтожит их детей.

– А что случилось с замком?

– А замок, долгое время дававший кров наследникам Роланда, постепенно ветшал, люди перестали заботиться о нем, стены и башни рушились в бесконечных войнах, залы опустели и, в конце концов, люди покинули его. Сейчас уже и трудно узнать в поросших травой и деревьями руинах то величественное сооружение, хотя, осталась еще та башня, самая высокая, на которую ведут десять тысяч ступеней, но видимо со времен Роланда никто не поднимался на нее.

– Мне бы хотелось побывать там и подняться на эту башню.

– Возможно, Юный Роланд, у тебя когда-нибудь получится. Теперь же мой принц, тебе нужно идти к своему отцу, урок закончен.

– А, правда, Мистраль, говорят, будто ты волшебник?

– Люди вечно болтают разное, то про странные древние пророчества, то про волшебников, что скрываются под видом простых стариков. А еще говорят, будто бы недавно видели настоящего живого дракона, правда, видели издалека, ночью, в грозу. Будто бы тень кружила над горами, там, где среди руин замка возвышается одинокая башня. Но, скажи мне, мальчик, не боишься ли ты идти к этой башне? Обычно люди боятся забредать в тот лес, боятся волшебства и древних руин, а теперь еще и эти слухи про драконов.

– Я не знаю, Мистраль, я пока не видел ни волшебства, ни руин, ни драконов. Я надеялся, что ты волшебник и покажешь мне какое-нибудь небольшое волшебство.

– Может быть, Юный Роланд, когда-нибудь ты увидишь волшебство, но не сегодня, теперь тебе пора идти.

2

Мистраль, простившись с учеником, вернулся в свою каморку, которую он занимал на нижних этажах королевского замка по милости отца мальчика, короля Шотландии, что правил под именем Гарольд Однобокий. Мистраль был учителем и воспитателем мальчика. Уже много

лет он жил здесь, в этой маленькой комнатенке, и в свободное от воспитания детей королевского рода время, занимался изысканиями волшебного характера, он ведь действительно был волшебником. Сейчас он собрал свою котомку, закутался в серый поношенный плащ, одел на голову широкополую серую шляпу, завязал бороду в узел, взял посох и вышел из замка в город. Затем через городские ворота, и далее, прочь от дороги, забитой повозками и лошадьми, торговым и праздным людом, через поля, через пустоши, по направлению к заслоняющим собой горизонт горам. Он едва не бежал, путаясь в высокой траве, он был возбужден и нетерпелив. Он на самом деле поверил слухам о драконе. Утром на городском рынке Мистраль краем уха услышал, как кто-то кому-то пересказывает виденное кем-то. Говорили, будто бы ночью, когда была буря, и шел страшный ливень, при свете молний был виден темный силуэт, что тенью метался над горами и полуразрушенными башнями, и говорили даже, что, может быть, там была даже не одна тень, а целых две. Мистраль как только услышал это, побросал свои покупки и устремился обратно домой. И вот теперь, после встречи со своим учеником, освободившись от своих придворных дел, он был, наконец, свободен. И, хоть он и не разделял народные суеверия, все-таки он был сын своего народа, и в голове его, пульсировали попадая в ритм его быстрых шагов слова пророчества: «Тот, кто должен был ждать – дождется, ибо тот, кто должен был прийти – придет! И как же долго я ждал, и я иду!»

Через несколько часов он уже был на месте. В глубине соснового леса, росшего на склоне гор, где всегда, даже в самый солнечный день, царит сумрак и прохлады, среди руин того самого замка, замка с десятью тысячами башен, Мистраль остановился, оглядывая высокие сосны и высокие башни, сейчас как будто застывшие в оцепенении после вчерашней ночной бури.

– Ну вот, я снова здесь, – неизвестно кому сказал Мистраль.

Он часто приходил сюда. Когда-то в глубокой юности, когда ему было столько же лет, сколько его нынешнему ученику, юному Роланду, он, гуляя и исследуя леса по склонам гор невдалеке от его родного озерного рыбацкого городка, наткнулся на эти величественные руины. Он, надо сказать, всегда был вдохновенным исследователем, ни одна мелочь из лесной жизни не уклонялась от его любопытного взора. Он в полной мере изучил жизнь лесных обитателей, от самых мелких муравьев, за которыми он наблюдал, часами лежа на траве, не отводя взора от кипучей работы муравейника, до хищных коршунов, что жили вдоль озерного побережья на самых высоких соснах, на которые он вскарабкивался с целью посмотреть вблизи на огромных птиц. Сидя на страшной высоте, на тонких ненадежных ветвях на расстоянии вытянутой руки от гнезда, он изучал жизнь свежевылупившихся птенцов. Но вскоре этого всего ему стало мало, он чувствовал в себе силы на познание гораздо большего, чем мог бы предложить ему лес.

И вот, в один из дней, когда ему было особенно скучно в лесу, когда он бесцельно бродил в поисках неизвестно чего под редкими пробивающимися сквозь высокие сосновые кроны лучами солнца. Когда он, чтобы хоть как-то развлечься, что-то увлеченно рассказывал вслух, то ли себе, то ли воображаемому собеседнику, при этом палкой размахивая во все стороны, лупя по высоченным травам и папоротникам, вот тогда-то он и набрел на древние руины замка Роланда. Десятки лет Мистраль исследовал то, что осталось от замка, и никогда не мог насытить свое любопытство. Все-таки замок был огромен, когда-то в нем было десять тысяч башен. Теперь некоторые из них совсем рассыпались и напоминали о своем существовании лишь еле видневшимися среди травы следами кладки, другие башни оставались почти целыми, но были опрокинуты на бок, будто игрушечные, а некоторые башни и стены оставались нетронутыми, как будто люди оставили их только вчера. Годами он рассматривал каменные резные узоры на стенах, годами ходил по гулким пустым коридорам оставшихся неразрушенными строений. Осматривал комнаты, пытаясь угадать в молчании камня кипевшую здесь когда-то жизнь, годами проникал все глубже и глубже в нижние ярусы замка, пока в один день за массивной дверью на одном из нижних этажей не нашел библиотеку. Это были книги Роланда, Мистраль

жадно вчитывался в них, глотая книгу за книгой пока не осознал, что он собственно читает – это были книги по волшебству, учебники магии, той самой магии, великим мастером которой был хозяин замка.

– Я стану волшебником! – в один из дней воскликнул юный Мистраль так громко, что с одной из башен замка слетели птицы. Эта новая мысль так его увлекла, что потом еще много недель, чем бы он ни занимался, дома, в лесу, или когда помогал отцу рыбачить на озере, он играл этой новой мыслью, обдумывал ее со все сторон, что то себе фантазировал. Так Мистраль решил посвятить себя волшебству.

С тех пор прошло очень много лет, Мистраль постарел, но продолжал приходить сюда, поскольку тайны замка были по истине неисчерпаемы.

«Когда-нибудь я приведу сюда Юного Роланда, он вроде бы неплохой мальчик, – думал про себя Мистраль, пробираясь меж громадными камнями, – Короля Гарольда я бы сюда не привел, уж не знаю, каким образом Гарольд заслужил прозвище Однобокий, но оно ему невероятно подходит. Подумать только, Гарольд Однобокий, король Шотландии, вот до чего дело дошло, совсем не то, что Роланд Великий, как было раньше, 1000 лет назад!» – так, бормоча и вспоминая славное прошлое, Мистраль бродил по развалинам замка, вглядываясь в окружающий лес. Никаких следов дракона видно не было, не было ни поломанных деревьев, ни поцарапанных огромными когтями камней, – ничего. В конце концов, даже если дракон и пролетал над замком, на земле никаких следов он не оставил.

«Да и был ли вообще дракон? – подумал Мистраль в досаде, – мало ли чья тень могла кружиться над здешними горами. Мало ли беспокойных призраков в этих старых стенах?» Так Мистраль ходил довольно продолжительное время, пока не забрел совсем непонятно куда. Сначала он даже не понял, был ли он здесь когда-либо раньше, и если был, то когда? 20 или 30 лет назад, или, может быть, на прошлой неделе? Среди высоких сосен росла трава, и повсюду лежали громадные каменные валуны, тут же высились обломки стен, башен и ведущих в никуда лестниц. Провал в одной из уцелевших стен вел в каменную прохладу коридоров одной из тех частей замка, что не были разрушены. Таких входов в замок были десятки, и Мистраль не помнил, пользовался ли он когда-либо именно этим.

«Был я здесь или не был? Вот что интересно. Как будто бы был, а как будто бы и не был. Вот тот узор на стене, в виде перекрещивающихся рыб, видел я такой прежде или не видел?» – думая так, он зашел в провал и двинулся по коридору все дальше и дальше, пока одна из приоткрытых дверей не привлекла его внимания. За дверью была небольшая комнатка с камином.

«Ну вот, здесь, в этой комнате, был я прежде или не был? – подумал он, – Поразительно, я совершенно заблудился. Как, интересно, хозяева этого замка тут жили, как не путались в своих 10 000 комнатах?»

Комната эта выглядела странно. Половина ее была совершенно нетронута, будто бы люди покинули ее совсем недавно, оставив мебель, посуду, ковры, подсвечники, сундуки и прочие разные интересные безделицы, которые так любил Мистраль, на своих местах. Но, при этом одной стены и части потолка не было, и половина комнаты заросла хлынувшим в провал лесом. Там лежали камни, и росла трава, и прямо посреди комнаты возле старинной резной кровати росла стройная молодая береза, чья крона, уходящая вверх, в дыру в потолке, давала ажурную тень на полу, покрытом древними ветхими коврами.

Мистраль зашел в комнатку и почувствовал тепло, исходящее от камина, распложенного теперь среди высокой травы, и дымовая труба которого проходила по уцелевшей стене и далее упиралась в небо.

«Интересно, не я ли разводил здесь огонь в камине, когда навещал замок на прошлой неделе? Я помню, что в какой-то комнатке я определенно был и действительно топил камин, и заваривал себе травяной напиток на огне в маленьком походном котелке и читал одну из

здешних старых книг, но в этой ли комнатке это было, или в другой? Совершенно не ясно! Да и тепло бы так долго не держалось, ночи сейчас сырые, холодные. И, в конце концов, камин этот хоть и находится в комнатке, тем не менее, большей своей частью торчит наружу! И топить его все таки нет никакого резона.»

И тут он заметил, что в камине лежит что-то круглое, по размеру как небольшой булыжник, такой, что можно обхватить руками.

«Ого!» – подумал Мистраль, на мгновение его как будто что-то пронзило и ноги его чуть не подкосились от волнения.

«Если это то, о чем я думаю, то это величайшая находка за последние 1000 лет!» – и Мистраль быстро схватил лежащий в камине круглый предмет, завернул его в собственный плащ и, испытывая страшное волнение, быстро засобиравшись прочь из комнатки, повторяя про себя:

«Только бы донести, только бы донести!» Сердце его заколотилось, ему было в равной степени радостно и тревожно, и он в тревоге начал оглядываться по сторонам, чего раньше никогда не делал, поскольку всегда чувствовал себя в замке совершенно свободно и безопасно. Теперь же его мысли были только об одном, – донести драгоценную находку до замка короля Гарольда, вихрем пронестись по всем ступеням до своей каморки в нижнем ярусе замка и там уже, за тщательно закрытыми дверьми, развернуть находку и изучить.

3

– Постой-ка! – голос за спиной прозвучал так неожиданно и пронзительно в спокойствии руин и леса, что Мистраль, не ожидая увидеть людей в ближайшую дюжину миль, да и еще в такой момент, когда нервы его были натянуты до предела, чуть не вскрикнул и не выронил драгоценность из рук. На обломке древней колонны среди высокой травы и камней стояла фигура, чем-то напоминающая Мистрала. Фигура тощего старика была облачена в темную серую хламиду.

Мистраль через плечо вполоборота посмотрел назад.

– Это ты Мистраль? – сказала фигура, – Смотри на бороду не наступи, а то убьешься.

– И тебе здравствуй, Синелорд. Я свою бороду в узел завязал, чтобы не мешала. Да и ты осторожней.

– А я свою бороду в косу заплел и вокруг головы обмотал, чтобы не наступить.

– Ну ладно, прощай, мне пора идти, рад был повидать.

Мистраль не любил Синелорда, и сейчас меньше всего на свете ему хотелось тратить время на разговоры с этим странным и временами пугающим его своими странностями волшебником. Он отвернулся от Синелорда, и, сжимая драгоценность, готов был уже идти, как вдруг голос за спиной опять заговорил:

– Что это у тебя там?

«Вот глупый старик, привязался!», – подумал Мистраль. Синелорд оказался здесь неспроста, наверняка он тоже слышал про летающую над замком тень прошлой ненастной ночью и явился сюда затем же, что и Мистраль, удовлетворить свое, вообще присущее волшебникам, любопытство.

– Где это там? – Воскликнул Мистраль, стараясь придать своему голосу как можно более удивленное выражение, хотя понял, что Синелорд положил глаз на его находку.

– Да вот прямо у тебя в руках, завернутое в тряпицу?

– У меня ничего нет.

– Ну как же нет, а что же это ты держишь в руках, покажи?

– Ты, Синелорд, просишь меня о какой-то нелепице, как же я покажу тебе то, чего нет?

– Хочешь сказать, что в руках у тебя ничего нет, то есть, ты держишь пустоту? Видимо, тяжела твоя пустота, раз ты так согнулся под ее тяжестью.

– Ну да, поразительно, правда? Я могу нести пустоту, то есть «ничего», но не могу показать тебе это самое «ничего». К тому же всякая пустота похожа на саму себя, и где бы ты ни видел какую-либо пустоту, считай, ты видел их все. Можешь, к примеру, заглянуть себе в голову, там ты, я думаю, увидишь ту самую пустоту, про которую ты спрашиваешь, если пустоту вообще можно увидеть.

– Да? – Синелорд задумался, как бы ему ответить умнее, – А знаешь ли ты, что абсолютной пустоты не бывает. Любая пустота, даже самая пустая, населена невероятно маленькими, невидимыми глазу существами.

– Отличное описание содержимого твоей головы, Синелорд, – пустота, населенная невидимыми глазу существами. Видимо, одно из этих существ сейчас говорит со мной.

– Ты остроумен и изворотлив, тут уж не отнять, но согласишься, мы с тобой оба волшебники, а стало быть, истина для нас важнее всего. И истина в том, что в твоих руках что-то есть, ты все время вздергиваешь руки, как будто боясь что то уронить. Должно быть, что то хрупкое, что то неудобное.

– Согласен, истина важнее всего, но главное ты упускаешь. Кто же будет определять, что есть истина? И не окажется ли так, что истина в понимании мудреца или глупца, как в твоём случае, окажется разной.

– Хорошо, к чему эти сложные споры об истине? Не стоит нам волшебникам отрываться от мира действительного и от той правды, что видна и осязаема. Так вот, совершенно очевидно, что ты что-то прячешь, завернув это в свою серую хламиду.

– Но ты, Синелорд, забываешь, есть мир очевидный и мир реальный, и не всякое очевидное реально, а реальное очевидно. Вот взять, к примеру, тебя, я вообще плохо вижу и в данном случае ты не так уж и очевиден для меня, а в том, что ты реален, я сильно сомневаюсь. Я думаю, ты и сам в себя не очень веришь.

– Довольно, Мистраль, ты уже просто издеваешься, говори, что ты несешь в своих руках!

– Ты, Синелорд, повторяешься, ведь я уже ответил – ничего, и потому, мне уже наскучил наш разговор. К тому же, мне надо возвращаться, принц меня ждет. Я несу ему подарок, ты же не хочешь, чтобы наш принц остался без подарка.

– Да ты что! Ты же сам говорил, что ничего не несешь! А я ведь знал, я ведь знал, что у тебя в руках что-то есть! – Синелорд стал такой злой, что весь побагровел, а Мистраль, недолго думая, пустился по тропинке прочь от руин все дальше в лес, вниз по склону горы держа прижатым к груди драгоценный предмет.

– Принцу будет великолепный подарок! – бормотал он про себя, – и никакой Синелорд меня не остановит.

– Обманул меня, проклятый Мистраль! – доносились далеко за спиной обиженные вопли Синелорда.

– Ну, так тебе и надо.

Мистраль вернулся домой в замок короля Гарольда уже затемно. По запутанным дворца коридорам он добрался в свою каморку. Там он, положив сверток на стол, зажег свечку в металлическом висящем на цепочке над столом подсвечнике, затем запер дверь, хотя ранее такой привычки не имел, задернул шторами небольшое оконце, хотя за окном уже давно была ночь, затем вытащил из-под кровати свой сундук, в котором у него лежали его пожитки. Он выкинул большую часть вещей на пол, немного оставив на дне сундука, чтобы получилось как бы мягкое гнездышко, и аккуратно положил туда свою находку. Затем засунул сундук под кровать, а сам, проверив еще раз засов на двери, улегся в постель. Мистраль думал, что не уснет, так был очень возбужден, но через некоторое время забылся сном, и ему снились милые его сердцу, знакомые ему по книгам, древние времена.

Глава 2

1

Окна спальни мальчика, расположенной в одной из башен королевского замка, выходили на восток, туда, где в отдалении синели горы и с далекого моря тянуло ветром. Потому с утра комната была наполнена утренним слепящим светом. Этот свет будил мальчика. Юный Роланд проснулся, и, не желая отпускать сон, снова закрыл глаза, но спать при таком ярком свете не было никакой возможности, сон не возвращался, только за плотно сжатыми веками расплывались желтые и красные пятна.

– Ладно, все же нужно вставать, – сказал себе мальчик. Он нехотя вывалился из своей постели и встал в задумчивости. Он должен был умыться, как был приучен, но окунать руки в холодную воду и потом брызгать ее себе на лицо совсем не хотелось, и все же чувство долга пересилило, и он поплелся к столику, на котором располагалось умывание, вода в глиняном кувшине и деревянная лохань. У окна стоял столик, за которым он занимался или играл, и рядом со столиком полки с множеством игрушек, в основном деревянных, изготовленных вручную для мальчика Мистралем. Игрушки эти были с множествомдвигающихся частей, механизмов и колесиков, но теперь мальчик почти не играл ими, он только, посмотрев на полку, выбрал несколько, чтобы отнести их своему маленькому брату. Он оделся и, собираясь уже выйти из своей комнаты, задержался и схватил меч, лежащий на полу возле его кровати. Меч был настоящий, взрослый, тяжелый и блестящий, немного короткий, но для мальчика в самый раз. Он приятно тяжелил руку, и утреннее солнце блистало красиво на его лезвии.

– Получи, это тебе за отца! – прокричал мальчик невидимому сопернику и широким взмахом своего меча отрубил ему его воображаемую голову. Эта повторяющаяся игровая фантазия, где он, принц, мстит убийцам своего отца, странно вдохновляла и пугала мальчика своим взрослым, не подходящим для детских игр, трагизмом. У него на глазах даже как будто бы навернулись слезы, так он жалел себя в своем воображении. Но быстро придя в себя, он положил свой меч на пол, откуда взял, и отправился к своей матери.

В покоях матери Роланда, в комнате залитой утренним золотым светом, окруженный няньками, в деревянной колыбельке, на белоснежных подушках и простынях лежал малыш, розовый и упитанный. Он узнал брата, ласково и беззубо улыбнулся знакомому лицу и возбужденно замахал ручками.

– Смотри, я принес тебе игрушку, крути ее, – обратился мальчик к своему братику, давая ему колесико.

Из боковой двери, из своей спальни вышла королева. Она была одета по-утреннему во все белое, ее светлые волосы блестели на утреннем солнце, и вздернутые вверх брови подчеркивали ее ласковую полуулыбку:

– Доброе утро, Юный Роланд.

– Доброе утро мама.

– Королева Елена, – няньки, суесящиеся вокруг младенца, поклонились учтиво.

– Как ты спал, мой сын?

– Хорошо, как обычно, а как Гуга? Опять плакал всю ночь? И вообще, мама, не кажется тебе, что это довольно странное имя – Гуга, это потому что он все время гугнит? – Роланд пытался играть с маленьким братиком простым деревянным колесиком, частью старой, собранной Мистралем для принца игрушки, но младенец не хотел вращать колесико своей маленькой ручкой, а норовил вырвать игрушку из рук старшего брата.

– Гуга такой толстый, просто невозможно, – он отдал колесико мальчику и тот, захватив его маленькими ручками, почти целиком засунул себе в рот. Малыш выглядел таким серьез-

ным, так увлеченно, вдумчиво занимался игрушкой, что Юный Роланд засмеялся, – Просто поразительно, как вообще можно быть таким толстым и таким маленьким одновременно, с такими маленькими ручками, с такими крохотными пальчиками, и еще чего-то пытаться ими хватать. Чего-то себе воображать, жить, как будто ты настоящий человек, а не какая-нибудь кукла.

– Это просто волшебство, мой мальчик, вот и все. А для меня ты еще совсем недавно был таким же. А Гуго? Так звали твоего дедушку, Юный Роланд, он был великим человеком, королем Франции.

– Франция это далеко?

– Это моя родина, сынок. Возле нашего замка были обширные виноградники, и еще был огромный сад, я так любила гулять с отцом по дорожкам нашего сада, и в нашем саду было всегда много цветов, и еще там всегда было солнечно, так солнечно, как у нас сегодняшним утром. Мне вспоминается так, будто бы в моем детстве и не было хмурых дней. А здесь, на Севере, пасмурные дни постоянно, и часто бывает очень холодно. Я никогда не знала, что бывает столько разных видов холодной погоды. И даже эта особенная прохлада, которая бывает в такую солнечную погоду, как сегодня!

– Королева Елена, мое почтение, – в дверях показалась седобородая голова придворного волшебника, он стеснялся заходить целиком, боясь потревожить малыша, и потому еле выглядывал из двери.

– А Мистраль, и тебе доброго утра! – приветливо отозвалась королева, – заходи, мы будем рады тебя видеть. Что привело тебя в такой ранний час?

– Я повсюду разыскиваю Юного Роланда, я хотел пожелать ему доброго утра. И еще я хотел начать наши уроки прямо с утра, нам столько всего предстоит изучить, я и не подумал, что мальчик может быть занят. Это все моя стариковская привычка, я-то знаю так много, что если бы задумал учить принца всему, что знаю сам, на это потребовались бы десятки лет, вот мне и не терпится начать пораньше.

– Мистраль, ты же из Франции? У тебя французское имя, как ты думаешь, как там сейчас?

– Моя королева, я родился здесь и никогда в жизни не покидал острова.

– А я бы так хотела побывать дома, Мистраль. Я очень скучаю, – и королева задумчиво склонила голову, но маленький Гуго обратил на себя ее внимание. Он достал изо рта колесико, заулыбался, загомонил и замахал ручками так быстро, что чуть не вылетел из своей кровати, и королева взяла малыша на руки и стала целовать младенца в его смеющиеся глаза.

– Юный Роланд, пойдем скорее, – старик дернул мальчика за рукав так сильно, что тот чуть не упал.

– Что такое, Мистраль?

– Не спрашивай, есть дело, – и Мистраль повлек мальчика за собой, в глубину коридоров и лестниц королевского замка.

2

Стол в комнатке Мистраля был захламлен сверх всякой меры, и свеча в металлическом, висящем на цепочке над столом, подсвечнике горела всю ночь и уже превратилась в лужицу воска, но все еще давала ненужный ранним утром свет.

– И что же такое важное ты хочешь мне показать Мистраль? – спросил мальчик, озираясь, – твой беспорядок я видел тысячу раз. Когда-нибудь ты устроишь здесь пожар, и весь замок сгорит дотла, и все мы побредем по миру как погорельцы.

– Ты знаешь, Юный Роланд, сдается мне, что когда-нибудь все так и произойдет.

– Серьезно?

– Ну конечно, но это случится еще не скоро, к тому же наш замок каменный, а камень, как известно, не горит, так что скорее королевство полностью выгорит изнутри, оставив от себя лишь пустую засыпанную пеплом, оболочку.

– Все королевство?

– Мальчик, так уже бывало, и много раз, Но мы отвлеклись, я хотел показать тебе что-то особенное.

Мистраль схватился за одну сторону своей тяжелой кровати и кивком показал мальчику, что нужно схватиться за другую. Отодвинув кровать от стены, так, чтобы можно было пройти, Мистраль одернул висящую над кроватью портьеру. За ней оказалась маленькая, в половину человеческого роста дверца, и они, согнувшись, по очереди нырнули в низкий проем. Они оказались на чрезвычайно узкой и темной лестнице, которая, видимо, была устроена в толще стены и, спустившись по ней боком, чтобы не застрять, вновь оказались перед дверью, открыв которую, вошли в тайное убежище волшебника, в его мастерскую.

Мастерская располагалась в просторной, не очень светлой комнате, ее освещали лишь небольшие, под самым потолком, забранные решетками, окна. Мальчик оглядывался по сторонам в восхищении, так здесь было интересно и необычно, вдоль стен стояли столы, шкафы, полки, от пола до потолка заставленные всякими интересными вещами. Там были книги, рукописи, кости разных животных, иногда и совсем огромные, размером с мальчика, даже подумать было страшно, какому зверю могли они принадлежать. Разноцветные бутылочки и склянки, от маленьких до огромных, и много разных механизмов, которые Мистраль мастерил из деревянных и костяных деталей. Они были похожи на те игрушки, которые волшебник дарил мальчику, и которые в итоге, разобранные, оказывались игрушками маленького Гуго. И много было разных прочих диковинных изделий из глины, камня, воска, кожи и разных других материалов. В комнате был очаг, в нем тлели угли, и висела на цепи кастрюлька. Рядом с очагом стоял стол, на котором были разложены разные ножи и лежал трупик летучей мыши, и в банке с какой-то неприятной жидкостью плавал круглый, огромный, больше человеческого, глаз.

– Ты варишь волшебное зелье, Мистраль? Вот бы ты сварил зелье невидимости, было бы неплохо.

– Почему это?

– Я всегда мечтал быть невидимым, и еще уметь летать, как думаешь, Мистраль, получится?

– Почему нет, это вполне возможно, Юный Роланд. Я вот, например, довольно часто чувствую себя невидимкой, но для стариков это обычное дело.

– У тебя тут разные волшебные ингредиенты, это очень интересно. Огромный глаз в банке, крыло летучей мыши.

Мистраль усмехнулся.

– К сожалению, эти крылья и глаза совсем не волшебные и, вообще, от них нет никакой пользы, давно пора выбросить их.

Мальчик еще раз посмотрел на стол несколько даже разочаровано.

– Ты знаешь, Юный Роланд, глаз коровы удивительно напоминает человеческий, вот, посмотри, – он взял банку и поднес ее к самому лицу мальчика, – правда любопытно?

– Ну да, похож, – ответил мальчик, брезгливо отворачиваясь, – ну и что из этого?

– А летучая мышь? Погляди, как устроено ее крыло, точь в точь, как человеческая кисть, правда, удивительно?

– Все равно не понимаю, зачем это?

– Просто я уже давно увлекаюсь изучением человеческой анатомии. Мне интересно понять, как работает, к примеру, человеческий глаз, или человеческая рука, каковы ее природные механизмы? Мне повезло, и я поймал хорошую мышь, здесь в подвалах живет их огром-

ное количество. Но сейчас мне уже совсем не до этого, так я видимо и не узнаю, как работают человеческие руки, а ведь я пользуюсь ими каждый день!

– Да вроде бы и так понятно, вот смотри, Мистраль, – и мальчик несколько раз сжал и разжал кулак, растопырив пальцы.

Мистраль засмеялся:

– Мой мальчик, ты становишься уже почти совсем взрослым, тебе все всегда понятно.

– Ну ладно, Мистраль. А вот это твоё зелье? В этой кастрюльке? Все-таки, для чего оно?

– Юный Роланд, это вовсе никакое не зелье, и уж тем более не волшебное. Просто хотел сварить себе пару луковиц на ужин, да так и забыл их здесь на всю ночь.

Тут мальчик, продолжая таращиться по сторонам, чуть не наступил на кошку, практически запнулся от нее.

– Мистраль, тут у тебя еще и кошка живет? Откуда она? Я ее раньше не видел.

– Это долгая история, теперь я уже и сам не знаю, как от нее избавиться, но пойдем, я должен показать тебе кое-что важнее всяких кошек.

В деревянном сундуке в гнезде из одеяла сидел дракончик и глядел на мальчика большими и как будто печальными глазами.

– Он вылупился сегодня, ранним утром, я даже испугался, что он не выживет, я же не знаю, как обращаться с драконами, тем более новорожденными. Но затем он немного повеселел, и я сразу побежал за тобой.

– Это что, настоящий дракон? Мистраль, ты же говорил, они все истреблены, и где его мать?

– Пару недель назад, после большой бури, я нашел драконье яйцо в замке с 10 000 башен, и я не говорил тебе раньше, потому что не был уверен. А мать его я не видел. Люди говорили только, что видели ночью в горах в небе над замком сражение теней, возможно одной из этих теней и была мать этого дракона, и я думаю, она погибла, успев только перед своей смертью улететь дальше от замка, к высоким горам, уводя, быть может, своего убийцу подальше от будущего потомства.

– А что мы будем делать с дракончиком?

– Он будет жить здесь, у меня, пока не вырастет.

– А это долго? Это все же громадный зверь, может быть, стоит рассказать отцу? Все-таки это, кажется, последний дракон в королевстве.

– Мы обязательно расскажем королю, Юный Роланд, но не сейчас. Дракончик слишком слаб, напуган, голоден. Он слишком мал, чтобы видеть кого-либо. Пусть пока поживет здесь, мы сможем его вырастить, выкормить, а потом, когда он чуть подрастет, мы расскажем королю.

– Давай тогда назовем его Горбыш, – мальчик сел на пол рядом с сундуком, его заворожил вид маленького существа. Дракон возился на своей подстилке, смотрел на людей глазами животного, но было в них и что-то осмысленное, говорили же, что раньше драконы могли понимать людей, дружить с ними.

– Почему Горбыш? – усмехнулся старик.

– Так я хотел назвать своего коня, только отец сказал, что это не подходящее для коня имя.

– Ну, в этом он прав, да и для дракона оно не очень подходит, но мне нравится, что ты сам придумал ему имя. Вот, возьми, Юный Роланд, покорми его, – и Мистраль протянул мальчику вареную луковицу, достав ее из своей кастрюльки.

– На, Горбыш, поешь, должно быть, ты хочешь есть? – мальчик опасливо протянул вареную луковицу дракончику, но дракончик только отвернулся меланхолично.

– Похоже, он не любит овощи, Мистраль, может быть, нужно достать ему рыбу?

С тех пор Юный Роланд каждый день, стараясь закончить скорее свои дела, бежал в мастерскую своего друга волшебника. Правда, дел у мальчика вдруг оказалось неожиданно много. Еще недавно он большую часть своего дня занимался своими еще совсем детскими занятиями – скучал, играл сам с собой или с другими мальчишками из замка, занимался какими-то, не совсем ясными для него науками со своим учителем. Он любил его, обожал его истории, но не очень вникал в его уроки. Теперь же, когда каждое утро мальчик стремился скорее бежать к Мистралю и дракончику, оказалось, что времена его детского безделья закончились. Теперь по утрам он должен был возиться с малышом, своим младшим братиком, отец стал приглашать его на заседания королевского совета, пытаясь воспитать в нем будущего короля. Заседания эти длились буквально часами, затем подавали обед, и мальчик надеялся, что после обеда он будет свободен, к тому же, ему часто удавалось стащить за обедом некоторую еду для дракончика, но и после обеда совет продолжался. Мальчик ничего не понимал и скучал смертельно, и всей душой стремился к своему новому другу. Но и после совета отец не отпускал его, просил сопровождать его в прогулках по дворцу, во время которых он делился с сыном своими размышлениями, или показывал сыну основы владения мечом, луком, копьем, заставлял мальчика нападать на себя с оружием, отбивался в шутку. Отец обнимал мальчика, говорил ему, что мальчик теперь становится совсем большим, что мальчик станет королем, и что теперь у него есть младший брат, о котором он должен заботиться, не допускать несправедливости по отношению к нему. А Юный Роланд в то время думал о тех кусках еды, что он украл со стола для дракончика и теперь прятал в складках своей одежды. Только под вечер, удрав от отца и от своих уже почти взрослых обязанностей, он приходил в убежище Мистраля и приносил дракончику ту еду, которую смог сохранить с обеда или украсть на кухне у поваров.

Воровать было довольно унижительно. Сперва он похаживал, присматриваясь, вокруг огромных, только привезенных с моря, бочек с рыбой, затем, когда он думал, что его никто не видит, быстро занырнув туда, вытаскивал пару рыбин, и, жутко пытаясь, и искривляясь всем телом, засовывал их себе в штаны. И затем, растопырив неестественно ноги, убегал оттуда, опасаясь лишь услышать вслед что-нибудь вроде: «Принц. Зачем вам эта рыба?»

Затем у Мистраля, он кормил этой рыбой растущего дракончика. Он разрезал добытую рыбу на кусочки и бросал их на пол так, чтобы получалась дорожка, он хотел, чтобы дракончик проползал расстояние от одного кусочка до другого, и маленький зверь понимал предлагаемую игру, он передвигал своими маленькими ножками, помогал себе маленькими нерабочими крыльями, проглатывал кусочек и полз к следующему. Потом мальчик придумал новую игру, он прятал кусочки рыбы внутри построек из своих старых кубиков, с таким расчетом, чтобы дракончик в поисках лакомства разрушал бы эти игрушечные замки, которые мальчик успел населить воображаемыми жителями, которые сейчас переживали нападение великана. Всякий раз Юный Роланд смеялся, и строил замки еще выше, еще более хлипкой архитектуры.

– Помогите, помогите, на нас нападает страшное чудовище, – изображал Роланд деланным писклявым голосом воображаемых крошечных обитателей игрушечных замков. Он приносил свои старые, созданные Мистралем, игрушки, те, что не достались его младшему братику. Он приносил своих деревянных человечков, и смеялся, наблюдая, как дракончик отгрызает их большие круглые головы. Иногда приходила кошка, жившая здесь же, в подвале у волшебника, недоверчиво смотрела на дракончика сверху, со столов и шкафов. Тогда мальчик угощал ее рыбой, а затем хватал ее и устраивал на полу рядом с дракончиком. Ему было интересно, что выйдет из встречи двух близких по размеру зверей, но кошка только шипела, вырывалась и убегала.

Мистраль не занимался с драконом, он все время ходил вокруг да около, болтал без умолку, рассказывая десятки историй обо всем на свете, иногда и по нескольку раз, даже не спрашивая, интересно мальчику или нет.

– Ты спрашивал, откуда у меня эта кошка? Так вот, есть небольшая вероятность того, что кошка эта – на самом деле вовсе не кошка. Когда несколько лет назад я был в Англии, в одном из многочисленных дворики тамошнего королевского замка, возле кухни, я нашел это существо в совершенно жалком виде. Она питалась тем, что ей удавалось стащить на королевской кухне, под носом у поваров. Одного из них, выносившего всяческие кухонные очистки и ошметки, я спросил, что это за облезлое и запуганное создание жметя в темный угол. Он клятвоу уверил меня, что это облезлая кошка на самом деле принцесса, один волшебник заколдовал ее за то, что она его разозлила, вела себя неподобающим образом, грубо и невоспитанно. Дело было в том, что волшебник, живший в тех краях, имел странную привычку ходить по столице в одежде нищего и приставать к людям, чтобы те дали ему хлеба, вина, а то пустили переночевать. «Добрые люди, – говорил он, – в суете и заботах своих, вы забываете о том, насколько богаты. Есть у вас кров, семья, дети, а у меня совсем ничего нет. Пустите меня в свой дом, усадите за стол, накормите меня, дайте поиграть с вашими детьми, позвольте поговорить с престарелыми родителями, уложите меня спать, поделитесь же богатством своим со мной, ведь я нищий и несчастный человек». Если же кто-то отказывал ему, он тогда представлялся в грозном виде, крича: «Не помог нищему! За это я пошлю на тебя и твою семью бедствия и страдания, болезни и голод!» Люди, зная его, боялись отказать ему, и временами он жил в чужих семьях буквально неделями. И вот однажды он в своем нищенском облачении явился ко двору короля. Придворные и стражники попрятались кто куда, лишь бы избежать встречи с ним, поэтому беспрепятственно проник он в тронный зал, но короля не обнаружил, лишь маленькая принцесса сидела перед тронем на ступенях, укрытых ковром и играла со своей кошкой. Волшебник принял самый жалкий вид, на который был способен, и заговорил самым несчастным голосом, который способен был из себя выжать: «Девочка, с виду ты такая прелестная и добрая, твои родители, вероятно, безмерно счастливы иметь такую дочь. Окажи милость нищему несчастному человеку, не имеющему ни собственного угла, ни куска хлеба. Будь со мной ласкова и добра, дай мне поиграть с твоей кошкой, позволь посидеть на троне, а то ноги мои устали, принеси мне еды и питья». Но принцесса закричала в ответ: «Я тебя знаю, ты никакой не нищий, ты колдун и чернокнижник! Сейчас придет мой отец, король, и велит отрубить тебе голову!». Тогда он закричал в ответ: «Ты отвратительная девчонка, как ты позволяешь себе так разговаривать с несчастным человеком? Как ты смеешь не верить моим словам? Своими нелепыми подозрениями ты обидела старого калеку! За это я своим колдовством превращу тебя в какое-нибудь животное! И пускай тебе никто не поверит, что ты принцесса, как ты не поверила мне!» И затем он осуществил свою угрозу, не знаю уж каким образом, повар мне про это не рассказал. И на ковре осталось сидеть две кошки, одна была принцессой, а другая ее питомцем. Затем эти кошки разбежались по замку, и одна из них попала мне на глаза возле кухни. Выслушав историю этого молодого, постоянно усмехающегося при разговоре со мной повара, я не увидел причины не верить его словам. Хотя я и знал, что англичане слаются своим лукавым нравом и вряд ли упустят возможность посмеяться над чужестранцем, нагородив ему с три короба ради своего сомнительного удовольствия потешаться за глаза над наивным путешественником. Я все же решил взять кошку к себе, и привез ее сюда, в замок, в надежде найти способ вернуть ей ее утраченную человеческую сущность.

– Так что же, ты нашел способ расколдовать ее?

– Пока нет, да и вообще, я все больше сомневаюсь в правдивости этой истории. Иногда я смотрю на нее довольно долго, пытаюсь разглядеть в ней хоть каплю человеческого, но пока безуспешно. И, вообще, в последнее время она начинает казаться мне на редкость глупым существом. Она настолько глупа, что, когда я пытаюсь играть с ней солнечным зайчиком, она смотрит не на яркий, пляшущий на стенах, огонек, а на зеркальце в моей руке, причем, смотрит с таким видом, будто дурак здесь как раз я. Но, в конце концов, чего мы можем требовать от животного? Правда, есть у них и своя звериная мудрость, недаром мой учитель говорил мне:

«Если хочешь научиться ловить мышей, учись у кошки!». Хотя эта кошка и мышей не ловит, живет совершенно бесполово.

– Твой учитель так говорил? Кто это? Ты никогда о нем не рассказывал?

– Мой учитель был великий и могущественный волшебник, я познакомился с ним во время своих скитаний в северных землях. К тому времени я уже немного разобрался в магии, в основном по книгам, которые я находил в замке. И позже, встретив в лесах настоящего колдуна, я был рад пожить с ним в его земляной норе и поучиться всякому. И вот, он говорил мне: «Всякая сущность мне подвластна, я повелеваю травой в лесах, облаками в небе, водой в реках, и всяким камнем, где бы он ни находился».

– Ничего себе! – воскликнул мальчик.

– Да, к тому же, он был еще и великий мудрец, и к своим предыдущим словам он добавлял: «Я могу велеть травам расступиться передо мной, но трава не согнется, пока не подует ветер, я могу велеть облакам рассеяться над моей головой, но облака не разойдутся, пока не изольют свою влагу – такова природа вещей!» Так он говорил мне.

– Поразительно! Кстати, Мистраль, знаешь, что? Я уже не могу каждый день воровать рыбу на кухне, не говоря уже о том, что воровать это вообще довольно неприятно, и, тем более, это не к лицу принцу. Может быть ты, Мистраль, будешь воровать еду для дракончика?

– Нет, Юный Роланд, у меня есть идея получше, мы можем сами ловить рыбу, например, в королевском пруду, я смастерю для тебя удочку.

– Мистраль, королевский пруд не просто так называется королевским, – Юный Роланд выставил на старика, – это заповедное место, никто кроме короля не может ловить в нем рыбу, это карается смертью. Ты что, хочешь умереть?

– Во-первых, я не боюсь смерти, хоть и не призываю ее. Во-вторых, я не собираюсь ловить там рыбу, ты все-таки наследник трона, ты будущий король, поэтому ловить рыбу в королевском пруду будешь ты, а в-третьих, в заповедном королевском пруду ловят рыбу все подряд, кому ни лень, от рыцарей до последних бродяг.

– Ну, мало ли нарушителей закона? Всех казнить, к сожалению, не получается.

– Да, и все ради чего? Ради того, чтобы посидеть с удочкой в ночной тишине в бледных отсветах луны на воде, ради тех редких минут особой благодати, что ценит каждый рыбак, что нищий, что королевский рыцарь.

– Я, Мистраль, никогда не рыбачил, а ты так про это рассказываешь, как будто бы это как раз ты большой любитель рыбной ловли.

– Ну, все-таки, я вырос в рыбацком поселке, мальчик, в одном из тех, что расположились по берегам великого озера. Мы с отцом часто ходили по озеру на своей лодке, и всегда возвращались с уловом, и я с огромным удовольствием вспоминаю те времена.

– Интересно, я этого про тебя не знал, и какая твоя любимая рыба, Мистраль?

– Моя любимая рыба – сельдяной король, ее еще называют рыба-дракон. Но в наших озерах она не водится, она любит холодные морские воды.

– И как ты ее ешь? Я ни разу не видел, чтобы когда-нибудь готовил себе рыбу.

Мистраль засмеялся в ответ:

– Эту рыбу я не ем, я ее просто люблю.

Роланд посмотрел на него удивленно.

– Что же ты тогда ешь?

– Иногда я ем вареный лук, да только вот, не умею его готовить. Вечно он у меня получается то недоваренный, то переваренный, и в любом случае на вкус просто отвратительно. По-настоящему вкусным это блюдо я пробовал очень давно – больше тридцати лет назад. Угостили меня тогда в одном старом уединенном домике в глухом темном лесу, у ручья. Я случайно наткнулся на ту одинокую хижину, когда пробирался через лес, это было тогда, когда я долгое время странствовал на севере. Я заблудился, устал и продрог. Хозяина дома не было дома, он

пошел проверять свои лисьи ловушки, в доме была только девушка, дочь хозяина. Ее волосы блестели как золото, а глаза были бездонные как море. В доме было так тепло после вечной лесной измороси, а вареный лук в чугунном горшке был такой вкусный, а улыбка той девушки была такой светлой, что я почувствовал в себе новое, особенное, удивительное чувство гармонии и наполненности, и мне хотелось остаться в том доме, с той девушкой, навсегда. Но все же, мне надо было идти, девушка показала мне путь из леса, она проводила меня вниз по течению ручья. Неожиданно расставаться было очень больно, хоть мы были знакомы совсем недолго, и больше я ее не видел, только часто о ней вспоминал. Как сейчас я чувствую, как наши пальцы переплетены, и выпустить из своей руки ее руку кажется невозможным, и наше прощальное рукопожатие все длится и длится, и не разрывается. С тех пор я так и не понял, почему, тот вареный лук был таким невероятно вкусным и почему те люди жили одни среди леса.

– Может быть, потому что они были отшельниками?

– Да, Юный Роланд, ты как всегда прав, – усмехнулся Мистраль.

4

С того дня, старик, мальчик и маленький дракон стали выбираться из своего убежища. Вечерами или днем, после обеда, если принц был свободен, они ходили гулять в королевскую рощу, что росла возле дворца с восточной стороны. Обычно Роланд, краснея от напряжения, нес тяжеленный сундук, в котором сидел закутанный в одеяла дракончик, а Мистраль шел впереди налегке, иногда крадучись, иногда быстрым шагом, прокладывая дорогу по темным коридорам, по узким лестницам, подальше от любопытных, да и просто праздных глаз.

– Юный Роланд, старайся нести сундук как бы с легкостью, непринужденно, так, будто бы он совсем не тяжелый. А то ты пыхтишь как медведь, это выглядит подозрительно, – говорил волшебник шепотом.

– Может быть, ты сам понесешь, Мистраль? – отвечал ему мальчик, задыхаясь от натуги.

– Не время препираться, мой принц, и не надо так стонать. И еще, надень капюшон и опусти лицо, чтобы люди тебя не узнали. Пусть думают, что ты мой слуга и несешь в этом сундуке мои вещи. Давай поторапливайся!

Таким причудливым образом они доходили до королевского пруда в глубине рощи и там выпускали дракончика из сундука, давали ему ползать по траве, и даже пытались затаскать дракончика в воду. Думали, что он будет ловить рыбу своими маленькими, но острыми когтями, но дракончик только яростно вырывался и фыркал, полз из воды к своему сундуку и пытался залезть в него обратно. В конце концов, оставив дракончика в покое в его убежище, мальчик и старик решили наловить рыбы самостоятельно. Мистраль показывал мальчику, как надо рыбачить, сам же по своему обыкновению ничего не делал, а только рассказывал истории:

– Последний случай, отдаленно похожий на нападение дракона на человека был описан в одной книге – я читал ее очень давно, лет, наверное, тридцать назад, но я до сих пор помню каждое слово, правда, возможно, не очень хорошо помню последовательность, в которой слова расположены. Книга называлась "Легенды великих озер". В давние времена некий автор, имея цель собрать в единый трактат все легенды, каким-то образом связанные с шотландскими озерами, упоминает о странном и пугающем случае. Итак, некий рыбак отправился на лодке на озеро. Он, не ожидая беды, заплыл на самую середину, день был нехорош и на озере он был один, и должно быть, казался с берега крупинкой на бесконечной зеркальной глади. Он закинул удочку и откинулся на лавку, как вдруг, внимание его привлекло нечто странное. То была голова, торчащая из воды на длинной шее, голова была вовсе не человеческая, а принадлежала неизвестному существу. Но она была довольно далеко от него, и он не мог ее хорошенько разглядеть, он подумал: «Ничего страшного, должно быть, птица летит низко над водой». Голова же приближалась и приближалась, он понял, что эта не птица, и подумал: «Ничего страшного, должно быть такой же одинокий рыбак, что и я, плывет на своей лодочке по тихому, спокой-

ному озеру». А существо было все ближе и ближе, и в третий раз он подумал: «Да, это не рыбак, но все же, ничего страшного, должно быть старое дерево, растущее на берегу не смогло удержаться корнями за почву и упало воду, и теперь плывет корягой по озеру, удивительно, но возможно». Чудовище тем временем подплыло совсем близко и в итоге утянуло рыбака на дно. И что же, по-твоему, это похоже на дракона?

– Похоже, наверное, я же никогда не видел озерных драконов. Но, вообще, история печальная и пугающая, надеюсь, с нами ничего подобного не случится.

– Как знать, Юный Роланд, но это еще не все. Рыбак вернулся домой глубоко за полночь, мокрый, без лодки и без снастей. Жена его была в ужасном смятении, она очень волновалась и злилась, что он не вернулся до темноты. А он ей лишь ответил ледяным нездешним голосом: «Не волнуйся, теперь нам больше никогда ни о чем не придется печалиться» и лег в постель прямо как был, не снимая мокрой одежды и сапог. С тех пор он сильно изменился, он все больше молчал, все ходил по берегу и долго-долго смотрел на воду, или выходил на лодке один и плавал-плавал по озеру до темноты, размышляя о чем-то. А когда его звали в леса, за ягодой или зверем, он смотрел куда-то вбок своим жутким нечеловеческим взглядом, ничего не отвечал, а только ложился на землю, лицом прямо в траву, раскинув руки, как крылья и тело его начинало трястись и вздыматься волнами. Так существовал он довольно долго, ни жив, ни мертв, а нечто среднее, пока не пропал насовсем. Только говорили, будто видели ночью в свете луны, как некое существо, по-змеиному разрывая песок, уползло в озеро. Что ты скажешь на это. Юный Роланд?

– Удивительная и жуткая история.

– Жуткая не то слово, но если и есть в этой истории что-то удивительное, так это поведение дракона, зачем было ему хватать рыбака, ведь питается дракон, как известно, рыбой, а не рыбаками. Видимо, автор совсем не разбирается в том, о чем пишет, а раз так, то и не следовало ему вообще браться за перо, и веры ему никакой нет.

Так проходила неделя за неделей, дракончик на глазах подрастал, сундук становился ему тесен, и им пользовались только для прогулок, а дракону устроили подстилку под столом, обложив все подушками и одеялами. Когда дракончик оставался один, он бродил по комнате волшебника, в поисках того, с чем бы можно было бы поиграть. Он пытался залезать на столы. Иногда ему это удавалось, тогда он ронял на пол все, что было на этом столе – склянки, колбы, всякие бумаги и засушенные растения, кости и камни. Затем спускался на пол и на полу продолжал усугублять беспорядок, разбрасывая свою добычу по всей комнате. Когда в поле зрения дракончика попадалась кошка, он пытался поймать ее, но кошка пряталась от нового беспокойного соседа на верхних, под самым потолком, полках, глядя сверху неодобрительно и с презрением. Когда приходил мальчик, дракончик узнавал его, он радовался его возвращению, полз к нему, желая играть. И мальчик был рад своему новому маленькому другу.

Глава 3

1

В тот день Синелорд, оставшись один, долго еще бродил по заросшим лесом развалинам, извергая проклятия в адрес ненавистного ему Мистрала. Вот бы и ему найти что-нибудь интересное, что-то важное, что-то особенное, что-то такое, что изменит, как ему казалось, его жизнь. Но ничего не привлекало его внимания, кругом были лишь трава, да сосны, да камни, а заходить в темные коридоры и комнаты замка ему не очень хотелось.

«Да и что такое там может быть? – думал он про себя, – только лишь остатки чужой давнишней жизни, ничего интересного!»

К тому же темнело, и чернеющие в наступающих сумраках провалы в стенах, ведущие во внутренние помещения замка выглядели пугающе, хотелось скорее покинуть это место, но необходимость идти домой в темноте старика тоже не радовала, и он решил заночевать здесь, поблизости от замка. Где-нибудь под сосной вырыть себе ямку, лечь в нее и завалить себя сверху сосновыми ветвями. Еще хорошо было бы разжечь костер, чтобы было не так одиноко в холодном ночном лесу, да еще и рядом с этими руинами, которые в сумерках выглядели довольно пугающе. Но Синелорду разжигать костер было лень, и он улегся как был, завалившись в росший у подножья одной из стен кустарник, завернувшись в свой старый серый плащ, предаваясь своим обычным одиноким и печальным размышлениям:

«Мистраль, мерзкий ты старикашка, что такое ты там нашел в замке? Какую-нибудь особенную книгу волшебных заклинаний? Нет, скорее что-то большое, круглое. Засушенную голову старого короля Роланда, обладающую магическими свойствами? Вот бы мне найти что-нибудь подобное, – Синелорд говорил вслух, по своей старой, приобретенной за годы одинокой жизни, привычке, – но зачем это все, конечно же, мне не повезет, как повезло Мистралу».

Окончательно стемнело, и стало совсем холодно, и так, дрожа и бормоча проклятия в адрес своего удачливого недруга, волшебник погрузился в свой старческий тревожный и беспокойный сон. И во сне ему чудилась летающая черная тень, как будто бы призрак крутился вокруг его головы и нашептывал, нашептывал ему что-то на ухо. Синелорд во сне стонал и пытался прогнать назойливое видение, ворочился на своем холодном неудобном ложе. Он проснулся на рассвете совсем продрогшим и измученным, но новая мысль зародилась в его голове, как будто бы пришла ему во сне, за миг до пробуждения, в то миг, когда видятся самые запоминающиеся и вещие сны.

Утром замерзший и не выспавшийся волшебник побрел к дому, покинув древние загадочные руины. Через сосновый лес, покрывший склоны предгорий, через вересковую пустошь. Борода его, заплетенная в косу, размоталась и волочилась по высокой траве, собирая былинки и колючки. Дойдя до города, окружившего королевский замок со всех сторон, кроме восточной, пройдя городские ворота, он углубился в суету кривых узких улиц. Вскоре он был дома, в своей крошечной каморке расположенной над рыбной лавкой, где всегда пахло рыбой. Попасть в его каморку можно было лишь через двор, такой узкий, что двухколесная телега, единственная ценность Синелорда, которую ему отдал за ненадобность его сосед, торговец рыбой, загрозила собой весь проход. Чтобы пройти к лестнице, ведущей к его комнате, старику каждый раз приходилось перелезать через эту телегу, рискуя свалиться с нее и свернуть себе шею, да и сама лестница, ведущая в обитель волшебника была старая и хлипкая, готовая развалиться под ногами. Торговец рыбой, хозяин лавки на этой узкой, но оживленной торговой улице, пустил Синелорда пожить из жалости к старику, который, к тому же, умел произвести впечатление на мечтательного обывателя своими волшебными познаниями, своими рассказами о былых славных временах, когда он был не кем-нибудь, а придворным волшебником, приближенным

самого короля Гарольда Однобокого. Старик частенько вспоминал те времена, но вернуться туда казалось невозможным. До сегодняшнего утра. Мысль, которую все утро лелеял Синелорд, которая пришла ему ночью во сне, то ли нащёптанная надоедливый призраком, то ли возникшая самостоятельно в воспалённом сознании старика, теперь, когда волшебник после долгого пути уселся на стульчик перед серым окошечком, куда еле-еле пробивался солнечный свет, оформилась вполне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.